

О связи между древним и новым периодами в истории славянских литератур

1

Сравнительное изучение славянских литератур до последнего времени было сосредоточено в основном на определении их прямых взаимосвязей. Накоплено большое количество наблюдений над формами освоения в каждой из славянских литератур памятников, созданных на соседнем славянском языке или переведенных на него; намечены главные этапы развития таких связей между отдельными литературами и целыми группами их. Однако в тени остаются, а частью и вовсе не привлекают к себе внимания более общие проблемы сравнительного славянского литературоведения.

Историки славянских литератур, изучая закономерности развития отдельных национальных литератур, достигли значительных результатов, восстанавливая основные этапы литературного движения как отражения исторического процесса. В частности, для каждой из славянских литератур намечены границы между «древним» и «новым» периодами истории литературы. Однако не только сопоставление выявленных закономерностей находится еще на начальной стадии исследования, но и в пределах материала отдельных литератур сами эти закономерности изучены еще далеко не до конца. Эта неполнота исследования характерно выступает и в итогах наблюдений над отношением между древним и новым периодами даже в рамках каждой из славянских литератур.

Обычно установление связи древнего и нового периодов сводится к выявлению тех или иных форм прямого «влияния» произведений старшего периода на творчество писателей нового времени. Вместе с тем историки литературы следят за тем, какие из произведений прошлого продолжают вызывать интерес некоторых слоев читателей и в то время, когда создается «новая» литература. Исследование связи древнего и нового периодов развития литературы, идущее по такому пути, дает лишь внешнюю картину их соотношения. Оно не может ответить на вопрос: существует ли какое-либо внутреннее родство между литературами разных исторических этапов, есть ли идейно-художественные тенденции, общие даже далеко хронологически отстоящим друг от друга ступеням литературного движения. Между тем только изучение таких глубоких внутренних признаков литератур отдельных народов с последующим сопоставлением наблюдений, полученных на материале разноязычных литератур, в конечном итоге приведет к определению национального своеобразия, характеризующего литературное развитие каждого народа-нации, и места каждой данной литературы в мировом литературном процессе. Одной из ступеней на пути к такому обобщающему выводу явится сопоставление закономерностей литературного движения у разных славянских народов, выявление национального своеобразия каждой из них и общих черт, роднящих их. Имея в виду конечную цель, необходимо прежде всего глубже изучить эти закономерности на материале каждой славянской литературы.

В настоящей статье я коснусь лишь одного вопроса общей проблемы связи древнего и нового периодов истории славянских литератур. Применительно к русской литературе еще в 1940 г. был поставлен вопрос: «в чем заключается действительная связь между XVIII веком и „старой“ литературой».¹ А. И. Белецкий в очерке «На рубеже новой литературной эпохи» весьма обстоятельно показал, что черты нового периода русской литературы, обычно признаваемые для него особо характерными (западное влияние, стихотворство, театр, новшества в повествовательной литературе), отчетливо проявились уже в XVII в. А. И. Белецкий прав в своем утверждении, что «было бы трудно даже приблизительно определить объем и содержание материала древней литературы, продолжавшего удовлетворять, главным образом, запросы „среднего слоя“ — от мелкопоместных дворян до грамотных „хлебопашцев“ включительно».² На широкое распространение в XVIII в. «памятников древнерусской литературы, и притом в самых различных читательских кругах», указывает и К. В. Пигарев во введении к новейшему обзору литературы XVIII в.³ Однако от раскрытия более глубоких связей между древним и новым периодами русской литературы отказались обе академические истории литературы. К. В. Пигарев подчеркнул лишь их отличия: «Бросаются в глаза резкие внешние и внутренние различия между литературой XI—XVII веков и литературой новой, обусловленные теми большими экономическими и социально-политическими сдвигами, которые происходят в конце XVII—начале XVIII века в русской истории».⁴ Признавая в полной мере наличие существенной разницы между древней и новой литературой, мы не вправе отказываться и от поисков таких общих тенденций, которые связывают оба периода. Эти поиски в конечном итоге помогут выявлению таких черт русского литературного процесса, которые характеризуют его национальное своеобразие.⁵

В настоящей статье я коснусь вопроса о том, какие литературные явления древней русской литературы в исторической перспективе могут рассматриваться как предшественники классической гражданской поэзии XVIII в.

Характеризуя национальное своеобразие русского классицизма XVIII в., К. В. Пигарев отмечает в нем «повышенный гражданско-патриотический пафос, связанный с общими просветительскими тенденциями... и выражающийся по преимуществу в обращении к национальной тематике, к сюжетам, почерпнутым из национальной истории».⁶ Г. П. Макогоненко подчеркивает те стороны передовой поэзии XVIII в., которые определяют «их неумирающую притягательную силу»: «Страстная любовь к родине и вера в человека, в будущее России, поэтическое могущество в раскрытии русской северной природы, ясный взгляд на мир ума русского, воинствующая гражданственность и вольнолюбие».⁷ Особо ярко «гражданско-патриотический пафос», «воинственная гражданственность» проявились

¹ История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941, стр. 4.

² Там же, стр. 22.

³ История русской литературы в трех томах, т. 1. М.—Л., 1958, стр. 381.

⁴ Там же, стр. 382.

⁵ О плодотворности работы в этом направлении свидетельствует, например, первая из статей Б. И. Бурсова, посвященных теме «О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы» (Русская литература. Л., 1958, № 1, стр. 23—33).

⁶ История русской литературы в трех томах, т. 1, стр. 412.

⁷ Г. П. Макогоненко. Русская поэзия XVIII века. — В кн.: Поэты XVIII века. I. Библиотека поэта. Малая серия, издание третье. Л., 1958 (далее: Поэты XVIII века), стр. 5.

в ведущих темах гражданской лирики поэтов-классицистов. Исследователь указывает, что «Стихи похвальные России» В. К. Тредиаковского «завещали» русской литературе «одну из важнейших тем» — тему родины, которая «была подхвачена и мощно развернута Ломоносовым»; что тема «царствующего града» — Петербурга — «символа величия дел» Петра I, лишь намеченная в «Петриде» А. Кантемира, была развита в «Похвале Ижорской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу» Тредиаковского.⁸ Прославлению «великих дел» правителей России, особенно Петра I, и побед русского оружия посвящены многие произведения гражданской лирики XVIII в. Общественные взгляды писателей этого времени находили яркое художественное выражение в произведениях, разрабатывающих эти темы. Возникает вопрос: были ли эти темы принципиально новыми для русской литературы, не существовало ли некоторой поэтической традиции в художественном их воплощении?

Неоднократно указывалось литературоведами на отголоски этой поэтической традиции прошлого в произведениях XVIII в., посвященных прославлению побед русского оружия. Так, отмечена связь «Россиады» М. Хераскова с «Казанской историей» в основном настроении: оба памятника стремились воспитывать патриотизм читателей, автор XVIII в. усвоил идеализацию Ивана IV, характерную для писателя XVI в. На прямые отражения стилистики древнерусской воинской повести и былинного эпоса в одах, изображающих события военной истории XVIII в., указывает Е. А. Касаткина,⁹ подчеркивая идейную связь воинской повести и русской батальной оды XVIII в.

Однако гражданская поэзия XVIII в. может быть представлена как дальнейшее развитие и углубление не только традиций воинской повести древней Руси. Основные темы этой гражданской поэзии — тема родины, стольного города как символа государства, общественно значимого подвига — с XI в. входят в русскую литературу в разных аспектах. Уже старшие русские писатели умели выражать чувство гордости успехами своей родины и скорби по поводу ее бедствий, прославлять исторических деятелей за их полезные родине дела и обличать их недостойное поведение, создавать идеальные образы правителей страны и вызывающие негодование или презрение портреты врагов, воспевать мужество и храбрость русских воинов и оплакивать их гибель в боях за родину. Общественно-политическое мировоззрение древнерусских писателей определяло направление, в каком они разрабатывали эти темы, оценку событий и лиц — все то, что мы называем «лирической стихией» древнерусской литературы.

В художественном методе древнерусской литературы есть разные способы выражения авторской оценки, проявления лирической стихии и в эпическом по своему основному заданию повествовании, и в жанрах лирико-эпических, каковы, например, панегирик — похвала умершему или действующему герою, плач-причеть, ораторство светское и церковное. Лирическая стихия окрашивает изображение и реальной действительности, и идеального представления автора о том, какой эта действительность должна быть.

Наиболее простой способ внушить читателю определенную оценку фактов, о которых идет речь, — применение лексики, прямо подсказывающей эту оценку. Древнерусский автор обычно не предоставляет читателю самому выносить суждение о действующих лицах и о значении изобра-

⁸ Там же, стр. 25, 27.

⁹ Е. А. Касаткина. Торжественная ода XVIII века и древнерусская устно-поэтическая и рукописная традиция. — Ученые записки Томского государственного педагогического института, т. III, 1946, стр. 95—123.

} и п.

жаемых событий: писатель как бы заставляет его принимать свои выводы, сам делит героев на «злых» и «добрых», сам оценивает их поведение и события, которые происходят при их участии. Автор не только описывает «деяния» героя, из которых читатель заключает о качествах его характера, но и называет сам эти качества, выделяя все положительное у одних и все отрицательное у других.¹⁰

Именно для подсказки читателю авторского отношения к изображаемому вырабатываются устойчивые определения, неизменно сопутствующие в каждый данный период рассказу о поведении одобряемых и осуждаемых героев.

Закономерно для средневековья, когда религия была господствующей формой идеологии, литература пользуется и другими специфическими приемами прославления и осуждения, такими же определенными по своему смыслу, как прямая оценочная лексика, и так же не оставляющими простора читательскому суждению. Высшая степень прославления героя — наделение его чертами образцового христианина, даже святого, включение в его биографию элементов чуда (знамения, предсказания, предвещающие славу при жизни или причтение к лику святых после смерти, божественная помощь такому герою в его борьбе с врагами и т. п.). Прямолинейное осуждение достигается изображением причины поступков отрицательного действующего лица, его «злых умыслов» и дел как вмешательства в жизнь человека его главного врага — дьявола, а поражения в борьбе с положительным героем, болезни — как наказания свыше. В таких религиозно окрашенных портретах авторская оценка внушается наиболее убедительными для современников средствами.

Однако свои гражданские настроения древнерусские писатели выражали иногда не только через оценки, пронизывающие весь рассказ, через общую его тенденцию. Уже с XI в. в различных жанрах мы встречаем в составе самого произведения эпизоды, своего рода лирические отступления, как бы обращенные к читателю и представляющие то эмоционально окрашенные рассуждения автора на ту или иную морально-общественную или политическую тему, то насыщенные лиризмом «славословия» родине и историческим деятелям. В исторической перспективе именно такие отступления (иногда они вкраплены в самое изложение, иногда служат предисловием или заключением) выглядят как предшественники гражданской лирики, лишь в XVIII в. окончательно оформившейся в особый литературный жанр. В этих древнерусских лирических отступлениях мы встретимся с основными ведущими темами «высоких жанров» XVIII в., прежде всего одической поэзии этого времени — с темами родины, стольного града, прославления правителей и их великих дел, побед русского оружия. Историческая обстановка каждый раз определяла тональность, в какой художественно воплощались эти темы, преобладание той или иной из них.

2

Быстрый рост могущества Киевского государства в X—первой половине XI в. дал основание для появления уже в старшем памятнике «высокого» жанра русской литературы этого времени — торжественного церковного ораторства — гимна расцветающей родине.

¹⁰ См.: Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII веков. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 7—43. Роль оценочной лексики как средства выражения авторской точки зрения сохраняется до XVII в. включительно.

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, с его основной темой «равноправности народов»,¹¹ в третьей части, посвященной прославлению Русской земли и ее князей от «старого Игоря» до Ярослава Владимировича, представляет подлинный образец гражданской лирики. Особого патриотического подъема достигает изложение, когда речь идет о заслугах Владимира Святославича, и здесь авторская речь становится глубоко эмоциональной, некоторые эпизоды могут быть выделены особой пластичностью выражения. Таково прежде всего начало третьей части, где Иларион с нескрываемой гордостью говорит о Русской земле и ее мировой славе: «Хвалит же и похвальными гласы римская страна Петра и Павла... Асия и Ефес, Патъм Иоанна Богослова, Индия Фому, Египет Марка — вся страны, гради и людие чтут и славят коегождо их учителя, иже научиша православней вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами великая и дивная сътворшаго, нашего учителя и наставника, великаго кагана наша земля Владимире, внука старого Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в своя лета владычествующа, мужьством же и храбрьством прослуша в странах многих и поминаются ныне и словут. Не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в руской, яже ведома и слышима есть всеми конци земля». Прославление героя через его предков сближает в данном случае Владимира-просветителя с русскими князьями, «мужеством и храбрьством» завоевавшими себе «славу» «в странах многих». Продолжатель славных дел своего деда князя Игоря и отца — Святослава, Владимир в представлении Илариона живет и в делах своего сына Ярослава. Обращаясь к Владимиру, Иларион призывает его: «Встани, о честнаа главо, от гроба твоего, встани, отряси сон... возведи очи, да видиши, какая тя чьсти господь тамо сподобив и на земли не безпамятна оставил сыном твоим... Виджь же и град величьем сияющ». Георгий-Ярослав «добр зело послух» Владимира, обращаясь к которому, Иларион называет Ярослава «наместника по тебе твоему владычеству, не рушаща твой устав, но утвержающа, ни умаляюща твоему благоверию положенья, но паче прилагающа, не казяща, но учиняюща, иже недокончаная твоя накончаваа».¹²

Иларион положил начало традиции прославления исторического деятеля через его предков. Пройдя через летописные панегирики — некрологи князей и агиографические «хвалословия» XII—XVI вв., этот способ был воспринят русскими и украинскими виршевыми панегириками XVII в., прямыми предшественниками уже и по стихотворной форме классицистической оды XVIII в. Симеон Полоцкий в своих «Приветствах» славит молодого царя Федора как наследника «пресветлого царя» — отца, Алексея Михайловича.

Концепция оратора-публициста XI в., современника Ярослава, которого он прославляет не самого по себе, а как продолжателя дел его отца — Владимира, в свою очередь славного и памятью о делах его деда Игоря и отца Святослава, не может не напомнить оды Ломоносова, посвященные дочери Петра I императрице Елизавете Петровне. Подобно тому как Иларион оценивал деятельность Ярослава Мудрого в свете воспоминаний о просветителе Владимире I, и Ломоносов славит Елизавету Петровну как «дщерь Петрову», как продолжательницу «дел Петровых», которая

¹¹ Д. С. Лихачев. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк). — В кн.: Повесть временных лет, часть вторая. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 66.

¹² Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, выпуск первый. СПб., 1894, стр. 69—70, 74—75.

«щедроты отчи превышает», «Петров в себе имея дух», «дела Петровы совершает» (оды, которыми Ломоносов отмечал годовщину восшествия на престол Елизаветы Петровны, 1746, 1747, 1748, 1752, 1757 гг.). И даже в оде в честь воцарения Екатерины II Ломоносов утверждает, что «согласно всех душа готова» в новой императрице «дщерь Петрову возвратить» (1762 г.). Когда в 1754 г. родился Павел Петрович, Ломоносов приветствовал его рождение одой, в которой он вспоминает «дела Петровы» и выражает надежду, что будущий наследник «престола Петрова» продолжит эти «дела».¹³ Не чуждо было Ломоносову и прославление современного героя — Петра I — через исторические припоминания его далеких предков: цепь таких припоминаний он ведет от Святослава Киевского, отца Владимира I, через Владимира Мономаха и Дмитрия Донского к отцу Петра — Алексею Михайловичу.¹⁴

Итак, «лирическая стихия» в Слове Илариона — это прямые выражения авторской оценки больших исторических событий (в данном случае включения древнерусской народности в ряд христианских народов с их более высокой по сравнению с славянской языческой культурой, с более передовым общественным строем), а также русских князей, сделавших Русскую землю «ведомой и слышимой» среди окрестных стран. Эти прямые оценки внушали читателю глубоко патриотические настроения, напоминая о могуществе и славе его родины; литературная форма этих оценок — лирический монолог автора, обращающегося к слушателю-читателю, стремящегося убедить его эмоциональностью речи, ее образностью, лирическим воодушевлением. Так проявляется уже в XI в. та разновидность лиризма, которая со временем образует русскую гражданскую лирику.

В годину народных бедствий прославление Русской земли теряет тот светлый характер, какой оно носило в середине XI в. в торжественном «Слове» митрополита Илариона. Почти двести лет отделяют от него друг от друга панегирик Русской земле — «Слово о погибели Русьския земли».¹⁵ Как ни раскрывать значение слова «погибель» в этом заглавии (нестроения от княжеских усобиц или разорение внешним врагом), ясно одно: могущество некогда грозной для соседей страны миновало, и автор говорит о нем в прошедшем времени. Отсюда и оттенок горечи, пронизывающий даже и первую, хвалебную часть.

Независимо от того, была ли эта хвала прошлому могуществу Русского государства предисловием к утерянному рассказу о «болезни крестьяном» или введением к житию Александра Невского, сама по себе она представляет такую же «эмоционально-насыщенную речь» «Сына отечества», какой являются, по определению исследователя, оды Ломоносова, посвященные теме родины.¹⁶ Все, чем богата была в недалеком прошлом Русская земля, — ее природу, города и села, где живут ее правители, широту границ, международную славу — напомнил этот «Сын отечества» XIII в., чтобы еще острее стала скорбь читателя — современника наступившей «болезни». Этот современник был свидетелем того, что русские князья перестали быть «грозными» в глазах соседей. Нельзя не заметить, как целенаправленно подбирает писатель выразительные средства, определяющие самую суть тех фактов, которые подтверждали в прошлом могущество

¹³ Ломоносов. Стихотворения. Библиотека поэта. «Советский писатель». Л. 1935 (далее: Ломоносов. Стихотворения), стр. 48—49, 60, 66, 82, 84, 91, 93, 118.

¹⁴ Там же, стр. 105—106.

¹⁵ Х. Лопарев. Слово о погибели Русьския земли. Вновь найденный памятник литературы XIII века. — ПДП, т. LXXXIV. СПб., 1892, стр. 18—24.

¹⁶ Поэты XVIII века, стр. 33—34.

его родины: он начинает перечнем, в котором эпитеты выделяют главные признаки богатств Русской земли и наиболее характерные положительные черты ее правителей; перечень народов — соседей Руси — создает представление о неизмеримых ее просторах и о том, как много «поганьских стран» было «покорено» предкам современных князей. Из этих предков особой хвалы в глазах автора заслуживает Владимир Мономах, эту мысль он доказывает не обычным для княжеских панегириков XII—XIII вв. приемом нагромождения прославляющих эпитетов, не рассказом об образцовом поведении Мономаха, как это сделал автор летописной похвалы-некролога. В «Слове о погибели» могущество этого князя показано через отношение к нему соседей: половцы его именем пугали детей, литва «из болот» не смела «выникать» и не показывалась у русских границ, немцы радовались, что они далеко «за синим морем», угры укрепляли свои города, а византийский император дарами стремился умиловить «грозного» русского князя. И в этой части Слова изложение строится по плану перечня, но выбор элементов этого перечня определяется его целью — напомнить самые существенные исторические или легендарные факты, доказывающие международный авторитет Владимира Мономаха и могущество Русского государства в годы его княжения. Именно этот образ сильного князя и великой державы должен был по контрасту особенно резко подчеркнуть те печальные явления настоящего, которые обобщенно автор называл «болезнь христианом».

Как ни далек от нас во времени неизвестный автор «Слова о погибели», однако следует признать, что созданное им эмоциональное описание «светло светлой и украсно украшенной» Русской земли¹⁷ даже современному читателю не менее понятно, чем «Строфы похвальные России, сочиненные в Париже 1728 года» В. К. Третьяковским, также восхваляющие Россию за ее красоту, мужество народа и всемирную славу. Эти «Строфы похвальные» формально могут считаться старшим образцом жанра стихотворной гражданской лирики, посвященной теме родины, но по своим художественным достоинствам они вряд ли могут оцениваться выше, чем гимн родине, прозвучавший в XIII в., хотя ритмическая речь этого гимна еще не сложилась в стихотворные строфы.

К описанию просторов России прибегают и Ломоносов в оде 1748 г. на день восшествия на престол Елизаветы Петровны. Поэт дает широкую картину «радостной» России, которая, «коснувшись облаков, конца не зрит своей державы, гремящей насыщенной славы покоится среди лугов». В этой картине есть и «поля исполненные плодов», и реки с их «чистыми струями», и города, завоеванные Петром, и богатая Сибирь.¹⁸ Вся эта картина не может не напомнить описания «светло светлой» земли Русской поэтом XIII в.

Патриотическим возгласом заключает русский Хронограф сообщение о пленении балканских государств Турцией и о «запустении» их: «Наша

¹⁷ «О светло светлая и украсно украшена земля Руская! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязми месточьстными, горами крутыми, холми высокими, дубравами чистыми, полми дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обительными, домы церковными, и князми грозными, бояры чьстными, вельможами многими! Всего еси исполнена земля Руская, о прававерьная вера християнская!» (Х. Лопарев. Слово о погибели Русьския земли, стр. 18—19). Ср. описание «славянской земли» в польской Хронике Галла Анонима, датируемой началом XII в.: «Это край, где воздух делителен, пашня плодородна, леса изобилуют медом, воды — рыбой, где воины бесстрашны, крестьяне трудолюбивы, кони выносливы, волы пригодны к пашне, коровы дают много молока, а овцы много шерсти» (Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961, стр. 28).

¹⁸ Ломоносов. Стихотворения, стр. 68—69.

же Российская земля... растет и молодеет и возвышается: Ей же, Христе милостивый, даждь расти и млადети и разширяться до скончания века».¹⁹ На основе этого краткого эпизода Хронографа в XVI в. автор «Казанской истории» создал гимн независимой Русской земле: «И тогда великая наша Руская земля освободися от ярма и покорения бусурманского и начат обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прелагатыся. И взыде паки на преднее свое величество и благочестие и доброту, яко же при велицем князи первом Владимире православном. Ей же премудрый царю Христе, даждь расти, яко младенцу, и величатися и разширяться и всюде пребывати в муже совершенне и до славнаго своего втораго пришествия и до скончания века сего».²⁰

3

Тема родины в литературе XVIII в., в частности в гражданской лирике этого времени, нередко сливается с прославлением новой столицы как символа нового пути государства. Тредиаковский положил начало такому восхвалению «царствующего града Санктпетербурга», слив воедино панегирик деятельности Петра I и картину быстрого роста и будущей славы этой столицы (в оде «Похвала Ижорской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу»).

Обращаясь к литературе далекого прошлого, мы видим, что уже в XI в. митрополит Иларион изобразил процветание могущественного Киевского государства через образ Киева, украшенного князем Ярославом великолепными зданиями («славный град твой Киев величеством яко венцем обложил»). Но этот образ не привел еще к появлению особого словословия Киеву как столице — символу государства, он вошел в похвалу Ярославу Мудрому. После создания централизованного Русского государства символом его становится «стольный град» Москва, и литература откликается на ее возвышение созданием панегириков, в которых гордость патриота могуществом родины или скорбь о ее бедствиях воплощается в картинах процветающей или разоренной Москвы. Лучшие образцы таких панегириков оставила нам литература XVI и начала XVII в.

Автор «Казанской истории» вслед за гимном Руской земле, свободной «от ярма и покорения бусурманского», поместил похвалу Москве — стольному граду этого независимого государства: «И возсия ныне стольный и преславный град Москва, яко вторый Книв, не усрамлю же ся и не буду виновен нареци того — и третий новый великий Рим, провозсиявший в последняя лета, яко великое солнце в велицей нашей Русской земли, во всех градах, и во всех людех страны сея, красуюся и просвещаяся святыми божиими церквами, деревяными же и каменными, яко видимое небо красяшеса и светяшеса, пестрыми звездами украшено и православием непозыблемо, христовою верою утвержено, и непоколебимо от злых еретик, возмущающих церковь божию о сих».²¹

Воспоминание о былом величии Москвы, соединенное с глубокой скорбью о разорении столицы, вплетено в «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» (см. стр. 440). Здесь Москва и ее судьба символизируют все государство. Такое представление о роли столицы в жизни всей страны особенно громко прозвучало в годы, когда

¹⁹ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 87.

²⁰ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954, стр. 57.

²¹ Там же.

Москва была оккупирована интервентами (сентябрь 1610 г.—октябрь 1612 г.). Столица представлялась современникам интервенции «кореньем» древа-государства. Москвичи в своем воззвании писали: «Помяните одно: только коренью основание крепко, то и древо не подвижно; только корени не будет, к чему прилепитца?».²² Вот почему так патетически изображают судьбу разоренной интервентами Москвы все авторы с конца 1610 г. Оскорбленное чувство патриотов диктовало проникнутые глубоким лиризмом описания унижения московского населения, насилий над ним, разорения московских «святынь». Тема родины воплотилась в этих описаниях так, что они ощущаются как прямые предшественники гражданской лирики.

Представление о стольном городе как символе всей страны, которую он возглавляет, в литературе XVI в. было перенесено и на Казань — центр присоединенного Иваном IV Казанского царства. Автор «Казанской истории» заключил рассказ о взятии Казани особой главой, выделенной заглавием «Похвала граду Казани». Эта «Похвала» распространяется автором на все Казанское царство, покоренное и «просвещенное» под властью Ивана IV христианской верой. Похвала выражает торжество победы над врагом и радость превращения Казанского царства в мирную страну, где «доброгласныя трубы вопияху, рекше звонения церковная уши оглашающе, не страх и боязнь подающе, но веселие и умиление верным людям в сердца влагая». Вставленная в историческое повествование, эта похвала представляет настоящую оду, ничем, кроме прозаической формы, не отличающуюся от тех од, какими прославлялись в XVIII в. завоевания городов. Ритмичность построения подчеркивает торжественность этого «словословия».²³

4

С конца XI в. среди авторских лирических монологов, разрезающих летописное повествование и выражающих оценку изображаемых лиц и событий, встречаются такие, в которых звучит проникнутое гневом осуждение летописцем своих современников. Эти обличительные эпизоды исторического повествования, в самой форме выражения гражданских настроений нередко обнаруживая связь с библейской стилистикой, сближаются с произведениями ораторского искусства, включающими в свое изложение исторические темы.

В лирике Псалтыри и в речах библейских пророков внимание древнерусских писателей, а позднее поэтов-классицистов XVIII в. привлекали воззвания к угнетателям о милосердии, обличения их жестокости, обещания счастливой жизни в царстве мессии, скорбь о бедствиях родины. Художественная выразительность этих социальных элементов Библии сделала их действительными образцами для писателей, начиная с XI в., когда аналогичные социальные темы подсказывала им русская историческая действительность.

Рядом со «Словом о законе и благодати» Илариона и «Словом о погуби Русьския земли», где тема родины и деятельности русских князей разрабатывается то в тоне патриотической гордости, торжества, то с оттенком скорби гражданина, сравнивающего блестящее прошлое с печальным настоящим, уже с конца XI в. в летописных лирических отступлениях

²² Это воззвание москвичей издано в книге: Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960, стр. 229.

²³ Казанская история, стр. 163—164.

звучала критика в адрес князей и дружины. Элементы этой критики с XII в. сосуществуют на страницах летописи с идеализированными портретами носителей власти, выполненными в «монументально-историческом стиле» (термин Д. С. Лихачева). Больше того: осуждаемое в деятельности князей и дружины — современников летописца — противопоставляется им тому славному прошлому, оценка которого получила законченное художественное выражение именно в этих монументально-исторических портретах. Для митрополита Илариона заслуживающими похвалы были все князья, которые возвеличивали славу Русского государства — и «старый Игорь», и «славный Святослав» — князья-язычники, и просветитель Владимир, и его сын Георгий-Ярослав. Составитель Начального летописного свода конца XI в., свидетель распрей сыновей Ярослава Мудрого, ставит в пример своим современникам этих князей прошлого, которые «оборяху Русьскыя земля и ины страны приимаху под ся». Подобные рассуждения летописца, вставляемые им то в собственные обращения к читателям, то в речи действующих лиц, развивают заветы Ярослава сыновьям, которым он напоминал о «труде великом» отцов и дедов, строивших Русскую землю. Завещание Ярослава в том виде, в каком оно читается в летописи, по-видимому, является литературным произведением, созданным уже после смерти князя и имевшим целью предостеречь его наследников от тяжелых последствий княжеских междоусобий. В этом завещании уже нарисована исторически верная картина итогов феодальных распрей, оно является как бы предисловием к дальнейшему рассказу о распрях между сыновьями Ярослава, о первом нашествии половцев (6569 г.), о поражении князей в 1068 г., о трагических событиях 1093 г.

Все эти события дали тему обращенному к современникам лирическому монологу, которым составитель Начального свода закончил свое предисловие. К теме этого монолога он снова обратился, завершая свой труд. Оба лирических эпизода резко выделяются самым изложением на фоне остального текста летописи, оба напоминают о славном прошлом Русской земли, выражают уверенность в особом покровительстве ей божества, оба скорбят о бедствиях родины — разорении половцами, обличают корыстолюбие князей и дружины, междоусобия. Конец предисловия к Начальному своду в новгородских списках летописи представляет обращение летописца к читателям, напоминающее им о славных делах «древних князей и мужей» и обличающее «несытьство» князей и дружины — современников автора.²⁴ Д. С. Лихачев убедительно предполагает, что в своем первоначальном тексте это предисловие содержало также обвинение князей в междоусобных войнах и плохой обороне Русской земли.²⁵

Каков бы ни был состав первоначального предисловия к Начальному своду, и в сохранившемся своем тексте оно проникнуто гражданским пафосом патриота, решившегося выступить против «сильных мира сего».

Обличение князей-современников, соединенное с похвалой их предкам, нашло опору для своего идейно-художественного выражения в Библии:

²⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, Изд. Археографической комиссии. Пб., 1916, стр. 363—364.

²⁵ Новгородцы пропустили эту часть предисловия, так как «Новгород XII в. выигрывал от ослабления княжеской власти», и потому критика, имевшая в виду укрепление ее, там не была нужна, тогда как обвинение в «несытьстве» напоминало, что Новгород «существенно страдал от поборов, конфискаций, вил и других тягот, которыми князья облагали население». Следы пропущенной в Новгороде части предисловия Д. С. Лихачев усматривает в статье 1093 г., которая в Начальном своду содержала описание половецкого нашествия и объясняла его княжескими раздорами, тем, что уже при Всеволоде Ярославиче «людем не доходити княже правды». См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 95—97.

закономерно для своего времени автор подкрепил свои суждения цитатами «от писания» — обличениями «неправедного» богатства и призывами к милосердию и справедливости.

Но вспомним, что и гражданская лирика XVIII в. обличала «властителей и судей» своего времени словами библейского поэта. Как известно, Державин переложил псалом 81, имея в виду своих современников. Во второй редакции ода «Властителям и судиям» держится довольно близко библейского текста:

Ваш долг — законы сохранять
и не взирать на знатность лиц,
от рук гонителей спасти
убогих, сирых и вдовиц!

Не внемлют: грабежи, коварства,
мучительства и бедных стон
смущают, потрясают царства
и в гибель повергают трон...²⁶

Начальный свод не ограничился гневным обличением виновников половецкого нашествия: последняя статья этого свода, описывающая страдания русских пленных, заканчивается лирическим воззванием к соотечественникам. Тема этого воззвания — утверждение особого покровительства божества Русской земле, цель — внушить современникам веру в победу над врагом: надо лишь изжить «грехи» — «несытьство» и «распри», о которых уже говорил летописец в начале своего труда и в описании половецкого нашествия 1093 г. Проникнутое глубоким сознанием величия и могущества Русской земли, это обращение летописца к современникам, закономерно для эпохи обличенное в религиозную форму, звучит как полноценный образец гражданской лирики: «Да никътоже дързнет рещи: яко ненавидами богъмъ есмы! Да не будет. Кого бо тако бог любить, якоже ны възлюбил есть? Кого тако почъл есть, якоже ны прославил есть и възнесл есть? Никогоже. Имъже паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче въсех почтъени бывъше, горе въсех съдеяхом грехы; якоже паче въсех просвещени бывъше и владычню волю ведуще и презрьевъше, в лепоту паче инех казними есмы».²⁷

С обличениями, развивающими наставления учительной литературы, мы встретимся и в древнерусских дидактических жанрах — в соответствующей части Поучения Владимира Мономаха и особенно в словах Серапиона Владимирского, где «гражданская» тема звучит в полный голос.

Выразительный пример обличительной лирики, врывающейся в остро публицистическое произведение, представляют отдельные эпизоды «Послания» ростовского митрополита Вассиана «на Угру великому князю» Ивану III, увещевавшего его не отступать перед татарами, которым русское войско преградило путь через пограничную реку. Это Послание содержит ряд эпизодов, которые выделяются особой напряженностью патриотического настроения, особо эмоциональным строем речи. Эти эпизоды имели целью воздействовать на решение великого князя, предостеречь его от влияния боярской партии, и звучат они как гневное обличение этой группы знати.

Подобно древнерусскому летописцу XI в., обличавшему князей-современников и ставившему им в пример «отцов и дедов», Вассиан напоминает Ивану III о борьбе его далеких предков с половцами за независимость Русской земли, а затем вставляет обширный лирический панегирик Ди-

²⁶ Г. Р. Державин. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. Л., 1957, стр. 371.

²⁷ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 284.

митрию Донскому — первому победителю татаро-монгольских завоевателей. Задача этого панегирика устыдить великого князя рассказом о патриотическом подвиге предводителя русского войска в Куликовской битве: «И достойныи хвалам великий князь Дмитрие, прадед твои, каково мужство и храбрство показа за Доном над теми же окаанными сыроядци, еще самому ему напреди битись и не пощаде живота своего избавления ради христьянского. Сей боголюбивыи и крепкийи смерть яко приобретение вменяаше, не усумнеся, ни убоясь татарьскаго множества, не обратися въспяты и не рече в сердци своем: „Жену имею и детии и богатство многое, аще и землю мою возмут, то инде вселюся“. Но без сомнения скочи в подвиг и напред выеха и в лице ста против окаанному разумному волку Мамаю, хотя исхыгити от уст его словесное стадо Христовых овецъ». Похвалу мужеству Донского победителя Вассиан сопровождает патетическими сопоставлениями его с христианскими мучениками, заверениями, что именно мужество князя обеспечило ему божественную помощь, победу и, наконец, «венцы мученические» и «славу» «не токмо от человек, но и от бога».

Этот панегирик Димитрию Донскому построен так, чтобы осудить Ивана III за эгонистические мысли о сохранении своего благополучия, напомнить о долге перед русским народом, вдохновить его примером победителя Мамаю и обещать награду от божества. Лирическую окраску этому панегирику придает пронизывающее его убеждение автора в необходимости самых решительных действий против войск Ахмата.

То же убеждение звучит в страстном обращении Вассиана к Ивану III, предостерегающем его от советов «льстивых и лжеименитых», настаивавших на уступках хану. Это обращение состоит из укоризненных, глубоко эмоциональных возгласов, рисующих страшные последствия таких уступок для всей страны и для самого великого князя: «Помысли убо, о велеумный государю, от каковыи славы и в каковои бесчестие сводят твое величество! И толиким тмам народа погыбшим и церквам божьим разореным и оскверненым! И кто каменосердечен не въсплачется от сеи погыбели! Убоися и ты, о пастырю! Не от твоих ли рук тех кровь възычет бог по пророческому словеси? И где убо хощеша избежати или воцаритися, пагубив врученное ти от бога стадо? . . . И где паки отходиши, пастырю добрыйи? Кому оставляеши нас, яко овца не имущи пастыря? Мы же надеемся яко не отринет господь люди своих и достояния своего не оставит. Не послушаи убо, государю, таковых, хотящих твою честь в бесчестие в твою славу в беславие преложити и бегуну явитися и предателю христьянскому именоватися, но отложи весь страх и возмогаи о госпде в державе и крепости».

Патриотическому пафосу этого воззвания, авторитетом «писания» подкрепляющего каждую мысль Вассиана, соответствует и глубоко эмоциональная форма выражения, интонация отдельных возгласов, то взывающих к чести великого князя, то напоминающих о «погыбели» народа, то устрашающих гневом божьим, то прямо обличающих «ближних съветующих на не благое». Блестящий образец публицистики конца XV в., послание Вассиана в отдельных эпизодах переходит в подлинно гражданственную лирику «сына отечества», убежденного в том, что пришла пора скинуть остатки ненавистного народу ига. Человек своего времени, Вассиан ободряет Ивана III надеждой на небесную помощь и обещанием убитым «венцов нетленных», но за этой обязательной формой стоит уверенность в том, что русское «воинство до крове и до смерти» постоит за независимость родины.²⁸

²⁸ Текст Послания издан: ПСРЛ, т. XX, ч. 1. Львовская летопись. Часть первая. СПб., 1910, стр. 339—345.

5

В оформлении «гражданской лирики» русского средневековья несомненную роль сыграли как образцы библейские плачи, выражающие скорбь родины, плененной и разоренной врагами. Такого рода плачи появляются в русской литературе в особо тяжелые периоды борьбы с врагами вплоть до начала XVII в. Лучший образец для этих плачей дала библейская «Книга плач пророка Иеремии», где плененный Иерусалим в изображении автора «стал как вдова, великий между народами князь над областями сделался данником» (гл. I, ст. 1). Другой библейский плач страны содержится в книге пророка Исаии (гл. 24, ст. 4 и сл.): «Сетует уныла земля; поникла, уныла вселенная, поникли возвышавшиеся над народом земли. . . Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена». Есть и среди псалмов Давида плачи на ту же тему утраты родины. В этих плачах древнерусский читатель нашел примеры гиперболического описания горя и страданий завоеванной страны.

Глубоким лиризмом проникнуто художественно правдивое описание Серапионом Владимирским бедствий Русской земли, страдающей под игом татаро-монголов. Это полное гнева и боли описание ставит своей задачей разбудить и в сердцах слушателей те же настроения: «Не пленена ли бысть земля наша? Не взяты ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отци и братья наша трупиемы на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша в плен? Не порабощены ли быхом оставше горкою си работою от иноплеменник? Се уже к 40 лет приближаеть томление и мука, и дане тяжькыя на ны не престануть, глади, морове живот наших; и всласть хлеба своего извести не можем, и въздыхание наше и печаль сушить кости наша».²⁹

В следующем Слове эта картина разрастается и в нее вплетается новая тема: «в поношение быхомъ живущим въскрай земля наша, в посмех быхом врагом нашим» (стр. 8). Так в религиозно-учительное произведение входит тема гражданской скорби патриота, наблюдающего за падением авторитета своей родины, — тема разных видов собственно исторического повествования.

В обработке XVI в. повести о Меркурии Смоленском редактор ее выражает свою скорбь о Русской земле, разоренной нашествием татаро-монголов, облекая ее в форму плача самой страны: «Общая наша мати земля жерлом стоняше глаголющи: Сынове русстии, аз зрю извоставаючи вас, чадолюбимых бывших мне! Чаде мои, чаде мои, прогневавшей господа своего и моего творца Христа бога, вижу вас от пазухи моеа отторгаемы и в поганьския руки немилостиво владша вас праведным судом божиим, иго работно имущих на плещох ваших. К тому бо аз бедная вдова бых. Что первое сетую? Мужа ли или любимых чад, вдовьство же менит запустение монастырей и святых церквей и градов многих. К тому же не терплю жалости моя лютыя сея беды, взопию к творцю общему господу богу». Здесь плач-сетование переходит в молитву о прощении людям грехов, за которые они наказаны.³⁰

Связь этого плача с библейской традицией подчеркивается в редакции, сохранившейся, по словам издавшего ее В. Сахарова, в «Софийском времени» и «Костромской летописи» включением в начало речи земли

²⁹ Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, стр. 5 (Прибавление). Это драматическое описание было использовано автором летописной повести о «псковском взятии» 1510 г. в картине Пскова, разоренного московскими наместниками.

³⁰ Л. Т. Белецкий. Литературная история повести о Меркурии Смоленском. — СОРЯС, т. 99, № 8. Пгр., 1922, стр. 60—64.

обличения русских в грехах со ссылкой на «пророка господня»: «Сынове, сынове рустии! Почто ходисте пред господом богом, сотворшим вас, в похотех сердец наших! Или не слышасте пророка господня глаголюща сице: Аще хоцете и послушасте мене, благая земная снесте, Аще ли не хоцете, ни послушасте мене, оружие вас пояст, уста бо господня глаголаша сия».³¹

Прямо указывает на образце своего «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства» его автор, когда прерывает скорбные сетования словами: «О кто даст главе моей воду и очима моима источник горких слез неисчерпаемых? и восплачу дщери нового Сиона, преславно царствующего нашего града Москвы, якоже любоплачевен пророк, яже древле Иерусалиму плачет злая».³² Вся первая часть этого своеобразного рассказа о событиях Смутного времени начала XVII в. представляет собой горестные размышления автора о гибели былой славы Руси, изображенной риторическими образами («како падеся толикий пирг благочестия, како разорися богонасажденный виноград, его же ветви многолиственно славою до облак вознесошася и грозд зрелый всем в сладость неисчерпаемое вино подавая»). Подобно автору «Слова о погибели Русьскыя земли» вспоминает ритор XVII в. международное значение Московского государства, хотя и делает это в форме простого утверждения («Весь благоприятный о Христе народ весть высоту и славу великия России, како возвысися и колик страх бысть бесерменом и германом и прочим языком»). Вместо описания природы и городов, широких русских просторов в Плаче XVII в. — пространное описание богатств, собранных в московских храмах и царских палатах («внутрь златом украшени и шары доброцветущими устроены! колико сокровищ чудных, царских диадим и пресветлых царских багряниц и порфир, и камения предрагаго и всякого бисера многоценного бысть преисполнено! . . .»).

«Разорение и запустение» государства изображается в форме скорбного перечня насилий врагов, надругательства над святынями, грабежей и убийств. Этот перечень переходит в обличение «неправд, гордения, грабленія и лукавства» и «прочих злых дел», за которые и наказано государство: «правда в человецех оскуде и воцариса неправда, и всяка злоба и ненависть и безмерное пьянство и блуд и несытное мздоимание, и братоненавидение умножися, яко оскуде доброта и обнажися злоба и покрыхомся лжею». В такой обобщенной форме автор изобразил и злодеяния правящих верхов, и крестьянскую войну, и интервенцию. И лишь после этого обширного лирического вступления он начинает рассказ о первом Самозванце. Заключение возвращает нас опять к скорбным возгласам растерявшегося человека, который видит один путь борьбы с врагами (интервенциями): «просити милости у всещедрого бога». Начало и конец повествования о событиях представляют собой изливания «гражданственных» настроений автора, преломленных сквозь это господствующее чувство страха

³¹ В. Сахаров. Сказания русского народа, т. I, книга IV. СПб., 1841, стр. 55. Библейскую традицию изображения страны, скорбящей о «нестроении», об ошибках — «грехах» правителей, напомнил Максим Грек, когда он выразил свое горе по поводу смуты, посеянной боярским правлением в годы детства Ивана IV, в форме беседы с женой, символизирующей Русское государство. Эта скорбящая жена-страна так нарисована Максимом Греком: «Шел я по трудному и многоскорбному пути и увидел жену, сидящую при пути, которая, наклонив голову на руки и на колено свое, горько и неутошно плакала. Она была одета в черную одежду, приличную вдовам» (Сочинения преп. Максима Грека в русском переводе, часть первая. Троице-Сергиева лавра, 1910, стр. 203).

³² Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 3. Л., 1925, стлб. 224.

перед божеством, карающим и милующим. В этом особая близость плача начала XVII в. к плачу пророка Иеремии, который также в молитве и слезах видел спасение «пленного» Иерусалима.

Лирическими отступлениями, выражающими оценку событий и лиц Смутного времени, перебивают рассказ о них и другие авторы, не придающие всему повествованию форму «плача».

6

Своеобразными предшественниками гражданской лирики XVIII в. были в древнерусской литературе панегирические некрологи, которыми летописи и исторические повести иногда заканчивали рассказ о событиях жизни правителя — князя, позднее царя, выражая в этих посмертных «славах» гражданскую скорбь современников, вспоминающих о заслугах умершего перед родиной. Некрологи временами переходили в форму плача народа или автора. Посмертное прославление всегда давало идеализированный образ, в котором соединялись все лучшие, с точки зрения автора, качества правителя и примерного христианина, перечислялись важнейшие «деяния» умершего и гиперболически изображалось народное горе. Княжеские жития и иногда Степенная книга в таких некрологах отходят от «гражданственной» темы и сосредоточивают основное внимание на изображении идеальных качеств и подвигов, диктуемых христианской моралью.

Особая выразительность некоторых посмертных похвал выдающимся деятелям, например Владимиру Мономаху, Андрею Боголюбскому и Александру Невскому, делала их своего рода образцами, по типу которых слагались затем характеристики князей, ничем значительным не отмеченных. Напомню панегирик-некролог Владимиру Мономаху, сохранившийся в Ипатьевской и пространнее в Лаврентьевской летописи, в котором перечислены его главные заслуги перед родиной, отмечена международная слава его княжения и высоко оценены его христианские добродетели: Владимир Мономах «просвети Рускую землю акы солнца луча пушая, его же слух произиде по всем странам. Наипаче же бе страшен поганым. Братолюбец и нишелюбец и добрый страдалец за Рускую землю. . . плакахуся по святом и добром князи весь народ и вси люди по немь плакахуся яко же дети по отцю или по матери». ³³ Несколькo иначе, но, по существу, за те же стороны его деятельности славит Владимира Мономаха другая летописная похвала, особенно запомнившаяся и вызвавшая позднее ряд подражаний: «Володимер, сын благоверна отца Всеволода, украшени добрыми нравы, прослувыи в победах, его же имене трепетаху вся страны и по всем землям изиде слух его . . . потщася божья хранити заповеди. . . Вся бо зломыслы его вда бог под руце его, поне не взношашеся, ни величашеся. . . бог покаряше под нозе его вся врагы ³⁴ . . . добро творяше врагом своим, отпушаше я одарены. Милостив же быше паче меры. . . тем и не щадяше именья своего, раздавая требующим». ³⁵ Почти без изменения повторяется эта похвала в некрологе Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, где автор добавил лишь то, что, по его мнению, было особой заслугой этого князя: «злыя казня, а добросмысленныя милуя, князь бо не туне мечь носит

³³ ПСРЛ, т. II. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб., 1908, стлб. 289.

³⁴ В такой религиозной форме выражения не было умаления личных заслуг Мономаха в обороне Русской земли: утверждение особого покровительства ему небесной силы было для того времени высшей похвалой его деятельности.

³⁵ ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Издание второе. Л., 1927, стлб. 293—295.

в месть злодеем, а в похвалу добро творящим... судя суд истинен и нелицемерн, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих меньших и работающих сироты и насилье творящих... И плакашася по нем сынове его плачем великим и вси бояре и мужи и вся земля власти его».³⁶

Индивидуальной хвалой почтил летописец князя Василька Ростовского, в отличие от других панегиристов князей, умолчав о благочестии и христианских добродетелях своего князя: «Бе же Василько лицем красен, очима светел и грозен, хоробр паче меры на ловех, сердцем легок, до бояр ласков. Никто же бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел и чашю пил и дары имал, тот никако же у иного князя можаше быти за любовь его. Мужьство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста. Бе бо всему хытр и гораздо умея». Когда князь умер, «множество народа изидоша противу ему, жалостные слезы испущающа, оставше такого утешенья. Рыдаху же народа множество правоверных, зряще отца сирым и кормителя отходящим, печальным утешенье великое, омрачным звезду светоносну зашедшу».³⁷

Плачи, сопровождающие некроложные характеристики или описания трагических событий в жизни родины, отмечаются иногда гиперболизмом в изображении горя народа или участника этих событий. В литературе с XIV в. этот гиперболизм заметно нарастает, как одно из проявлений создающегося «экспрессивно-эмоционального стиля» в изображении психологии человека.³⁸ Примером может служить изображение отчаяния князя Ингваря, оплакивающего разорение Рязанской земли, смерть матери и князей-братьев и «удальцов и резвцов, узорочия резанского». Ингварь «жалостно воскрича, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи. И от великого кричания и вопля страшного лежаше на земли яко мертв... воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся и в перьси свои руками биюще и ударяшеся о земля. Слезы же его от очию яко поток течаше и жалостно вещающи».³⁹ В самом плаче еще более усиливается описание состояния плачущего: «Се бо в горести души моя язык мой связается, уста загражаются, зрак опусмеваает, крепость изнемогает». В торжественном «Слове о житии и преставлении» Дмитрия Донского народное горе, вызванное смертью князя, описано столь же гиперболично.

Панегирические некрологи и плачи были своего рода «одами» средневековой литературы, которые в лучших своих образцах имели целью внушить читателям уважение к памяти князей, готовых «умрети за Русскую землю», посвятивших свою жизнь «на великая дела», под которыми разумелась оборона государства и забота о его процветании. Иногда и при жизни исторический деятель удостоивался прославления в связи с особо памятным событием. Взятие Казани, отмеченное обширной повестью, дало повод автору сложить подобное славословие Ивану IV как защитнику государства: «Убояшася его крепкие силы погании царие, и устрашишася меча его нечестивии короли, военачальницы нагайския мурззы усумнешася блещания копей его и щитов, и вострясошася и побегоша немцы с магистром ото искуснейших ратоборец. И сосече стремление люборатным казанцем, и смирение прекланяет выа черемиска».⁴⁰

Между древнерусскими некроложными или прижизненными славами и плачами, с одной стороны, и классицистической лирикой на аналогичные

³⁶ Там же, стлб. 436—437.

³⁷ Там же, стлб. 466—467.

³⁸ См характеристику этого стиля в книге: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 80 и сл.

³⁹ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 296, 298.

⁴⁰ Казанская история, стр. 176.

темы посмертного или прижизненного прославления — с другой, стоят произведения поэтов-силлабистов конца XVII—начала XVIII в. (Симеона Полоцкого и его продолжателей, анонимных авторов панегириков петровского времени), а также Феофана Прокоповича.

«Приветства» Симеона Полоцкого царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, его же «Глас последний ко господу богу царя Алексея Михайловича», включающий и всенародный плач по умершем царе, «Эпитафий» Симеону Полоцкому Сильвестра Медведева и его же плачи по царе Федоре Алексеевiche, «стихи» похвальные царевне Софии Алексеевне Кариона Истомина формально уже ближе к гражданской лирике XVIII в. Самый жанр их показывает, что выражение гражданских настроений теперь сосредоточивается в специально этой задаче служащих произведениях, перестает быть темой лишь отдельных эпизодов, врывающихся в различные по жанру сочинения, что мы наблюдали в течение всего предшествующего периода. Наконец, и стихотворная форма сближает писателей конца XVII в. с поэтами-классицистами. Однако лишь с очень большой натяжкой можно назвать перечисленные произведения XVII в. «гражданской лирикой»: герои, которым посвящены эти произведения, были мало значительными историческими деятелями, и в похвалах им, как и в скорбных сетованиях после их смерти, слышен голос не столько патриота-гражданина, сколько человека, потерявшего своего покровителя. И как бы ни были искусно построены эти произведения придворной поэзии конца XVII в., не они в исторической перспективе представляются нам подлинными предшественниками высоко гражданской поэзии XVIII в., хотя самый жанр стихотворной гражданской лирики классицизма ближе к виршевым «приветствиям» и «плачам», чем лирические монологи, панегирики и плачи древнерусских писателей. Конечно, и древнерусские панегиристы создавали иногда похвалы, материала для которых историческая действительность не давала, и в таких случаях пользовались готовыми формулами, слагая риторические славословия, лишенные общественного звучания. Но в своей ведущей, передовой части эмоционально выраженные древнерусскими писателями оценки деятельности исторических героев и крупных исторических событий были проникнуты сознанием их большого общегосударственного значения, гражданские настроения авторов совпадали с народным восприятием вызвавших их явлений.

Особое место занимают сочинения Феофана Прокоповича, рисующие портрет Петра I, пропаганде деятельности которого посвящены обширные «слова» этого горячего сторонника всей внешней и внутренней политики Петра. Феофан Прокопович снова, как русские писатели XI—начала XVII вв., свои гражданские чувства, вызванные делами Петра I, и свою скорбь о смерти его облекает не в стихотворные, самостоятельно посвященные выражению этих чувств сочинения; он включает особо эмоционально насыщенные эпизоды в общую ткань «слов», разъясняющих смысл тех событий, которые явились поводом для публицистических выступлений Феофана.

Самый яркий образец этой в прозе изложенной гражданской лирики Феофана Прокоповича представляет его «Слово на погребение» Петра Великого. Здесь всенародная скорбь объясняется величайшими заслугами его перед Россией, и образ «отечества своего отца» (погребаемого Петра) стоит рядом с образом России, которую он «зделал добрым любимую, любима и будет; зделал врагом страшную, страшна и будет; зделал на весь мир славную, славна и быть не перестанет». В сущности, все это «слово», необычно для Феофана Прокоповича краткое, звучит как скорбная лирика патриота-гражданина, оплакивающего «многоименитого мужа»,

но ожидающего, что его наследница будет «подобной Петру Великому».⁴¹

Феофан Прокопович положил начало разработке темы Петра Великого в классицистической оде XVIII в., которая подхватила и эпитет «отец отечества», каким надгробное слово Феофана наделило императора.

В жанре «плача» прославил Петра I и описал скорбь России В. К. Тредиаковский («Плач о кончине... Петра Великого, отца отечества»). Посмертная характеристика Петра местами фразеологически напоминает летописные некрологи — славь князьям XII—XIII вв.:

Мудрость, храбрость в нем были превосходны,
Милость же и правда в равенстве всегда.⁴²

ср. в некрологе Василька Ростовского: «Мужьство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста» (см. стр. 442).

Свое представление об идеале правителя, как мы видели, древнерусские авторы оформляли в виде посмертной характеристики князя, где нераздельно сплетались реальное и желаемое. Ломоносов в оде 1757 г. (на день рождения императрицы Елизаветы Петровны и Анны Петровны) требования к «правителям и судьям» перечислил в обращении к ним, содержанием очень напоминающем перечни заслуг и добродетелей древнерусских князей. Эта близость в значительной степени объясняется тем, что и поэт XVIII в., и древнерусские писатели опирались на правила общественной морали, внушавшиеся религиозной литературой: Ломоносов дал переложение псалма, летописные некрологи широко цитировали сентенции религиозно-учительной литературы:

Храните праведны заслуги
и милуйте сирот и вдов,
сердцам неживым будьте други
и бедным истинный покров,
присягу сохраняйте верно,
приятель к друзьям нелицемерно,
отверзите просящим дверь,
давайте страждущим отраду,
трудам законную награду,
взирайте на Петрову дщерь.⁴³

Знакомо «плачам» XVIII в. и гиперболическое изображение народного горя. В цитированном «Плаче» Тредиаковского при известии о смерти Петра I страна «вострепетала вся, восстенавши зельно».⁴⁴

Ломоносов в оде 1761 г. (на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны), вспоминая о смерти Петра I, так нарисовал картину опечаленной страны:

Безгласна видя на одре
защитника, отца, Героя,
рыдали Россы о Петре;
езде наполнен воздух воя,
и сетовали все места,
земля казалася пуста;
взглянуть на небо — не сияет,
взглянуть на реки — не текут,
и гор высокость оседает,
натуры всей пресекася труд.⁴⁵

⁴¹ Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 126—128.

⁴² Поэты XVIII века, стр. 157.

⁴³ Ломоносов. Стихотворения, стр. 97—98.

⁴⁴ Поэты XVIII века, стр. 157—158.

⁴⁵ Ломоносов. Стихотворения, стр. 103.

Но подобно тому, как некоторые писатели XI—XVII вв. и первые русские силлабисты конца XVII в. нередко создавали «славословия», для которых историческая действительность не давала заслуживающего их материала, и во второй половине XVIII в. были авторы, которые «превращали оду и пышное славословие монарху в набор трафаретных риторических украшений. Жанр вырождался, ода утрачивала связь с действительностью, обслуживала лишь потребности двора».⁴⁶

7

Нет необходимости примерами напоминать о том, как много внимания уделяла древнерусская литература с первых веков своей истории воинской теме — повествованию о победах русского народа и о тяжелых поражениях, о мужестве русских воинов, их воинской чести, любви к родине. Широкие эпические картины сражений и осады городов постоянно сопровождаются лирическими размышлениями авторов, выражением их радости или скорби, восхищения подвигами храбрости и презрения к врагам. Лирическая стихия «воинской повести» древней Руси на протяжении всего феодального периода нередко превращала эпический по теме рассказ в лирический монолог или глубоко эмоциональное описание настроений участников событий и лирического пейзажа, на фоне которого происходит действие. Если высокая поэзия XVIII в. развивала воинскую тему как славу русскому оружию, то древнерусская литература самым ходом исторических событий побуждалась изображать не только радость побед, но и горечь поражений. Этим объясняется большее разнообразие эмоций, отраженных воинской повестью древней Руси, по сравнению с торжественными одами XVIII в. Но на всем протяжении своей истории — с XI по XVIII в. — русская литература в произведениях на воинскую тему выражала, как справедливо отмечает исследователь, «идею служения родине, интерес к злободневным политическим вопросам, чувство национальной гордости».⁴⁷ В самом способе выражения эмоций, вызываемых военными событиями, и описания батальных сцен в древнерусской воинской повести и в одах XVIII в. установлено значительное сходство,⁴⁸ поддержанное иногда хорошим знакомством и древнерусских писателей, и поэтов XVIII в. с эпической народной поэзией. Вряд ли мы ошибемся, если придем к выводу, что именно в развитии воинской темы между гражданской поэзией XVIII в. и древнерусской «гражданственной» лирикой, вплетающейся в воинские повести, наблюдается особенно явная преемственность. Однако эта преемственность лишь изредка была результатом прямого воздействия на поэтов XVIII в. образцов древнерусского воинского стиля. Идеиное и художественное родство поддерживалось и в этой области теми национальными традициями, с которыми в новом воплощении мы встретимся и в литературе следующих периодов.

Стихотворную форму приобретает прославление победы русского народа в 1709 г., когда Феофан Прокопович сложил «Епиникион, сиречь песнь победную о тоейжде преславной победе» — о Полтавской битве. Как и в древнерусской воинской повести, лиризм «Епиникиона» в сильной степени еще окрашен религиозными настроениями, высшая похвала храбрости

⁴⁶ Поэты XVIII века, стр. 78. Екатерина II, по словам исследователя, «для укрепления своего авторитета использовала и поэзию. В. Петров, В. Рубан и Е. Костров в 80-е годы были поставщиками официальных стихов».

⁴⁷ Е. А. Касаткина. Торжественная ода XVIII века и древнерусская устно-поэтическая и литературная традиция, стр. 123.

⁴⁸ Там же, стр. 95—123.

русского войска и признание справедливости борьбы с «своями» выражены через описание божественной помощи «силам храбрых» России.⁴⁹ От этой «религиозной оболочки» лиризма свободна уже «Ода торжественная о сдаче города Гданска 1734 года» В. К. Тредиаковского, однако сходные с воинской повестью XII—XVII вв. приемы изображения шума битвы и особенно мужества русских воинов этой оды уступают в художественности отточенному воинскому стилю прошлого. Стоит лишь поставить рядом со строкой этой оды, описывающей воинский пыл русских, рвущихся в бой («лезут как плясать на браки»),⁵⁰ образ битвы — свадебного пира, издавна применявшийся в древнерусских описаниях сражений. Уже в русском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия воины изображены идущими на битву радостно «яко бы на свадьбу текоша, а не на рать». Слово о полку Игореве создало на основе этого символа целую картину поля битвы: «ту кровавого вина не доста: ту пир докончаша храбрии русичи — сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». Повести о разорении Рязани Батыем, о Куликовской битве, о взятии Казани — все применяли этот народно-поэтический символ битвы — свадебного пира, иногда просто пира, так неудачно использованный Тредиаковским. Лишь в творчестве Ломоносова героическая тема, такая популярная в древнерусской литературе и так ярко окрашенная здесь гражданственными настроениями, получает новое художественное выражение. «Ода на взятие Хотина» была старшим образцом этого жанра в применении его к «воинской» теме.

Гражданская лирика всех времен по самому содержанию представляет собой одну из форм художественной публицистики. Лирические отступления гражданского характера, даже еще не вылившиеся в особый жанр, были одним из проявлений открытой учительности, явно выраженных публицистических тенденций русской литературы XI—XVII вв., которые проיקали в самые разнообразные жанры. С особой силой гражданские настроения проявлялись в ведущих до XVI в. разновидностях исторического повествования. Несмотря на закономерную для средневековья религиозную оболочку некоторых лирических отступлений, все они, независимо от своего жанра, поучали, предостерегали, осуждали или взывали к подражанию, будили патриотизм, то пробуждая гордость могуществом родины, то призывая к защите ее независимости.

Хотя лирические эпизоды гражданского характера широко представлены в древнерусской литературе, однако гражданской лирики как своеобразного литературного жанра в ней не выработалось. Однако если задаться вопросом, кто же «завещал» русской литературе XVIII в. лирическое выражение тем родины, стольного города как ее символа, прославления «великих дел» ее правителей и побед русского оружия, то ответ на этот вопрос даст русская литература уже с XI в. Не создав особого жанра стихотворной гражданской лирики, она накопила богатый опыт лирического выражения всех этих тем, которые станут в центре внимания «высокой» поэзии XVIII века.

Сама историческая действительность XI—XVII вв. часто звала к эмоционально-напряженному художественному воплощению этих тем, а не к спокойному эпическому рассказу о том, что потрясало временами всю страну, что возносило ее на вершины мировой славы или ставило на краю гибели, что звало к подвигу хотя бы и ценой жизни, что оставляло по себе

⁴⁹ Феофан Прокопович. Сочинения, стр. 209—214.

⁵⁰ Поэты XVIII века, стр. 183.

память у многих поколений. Приведенные образцы «гражданской лирики» XI—XVII вв., врывавшейся в это время в различные жанры литературы, показывают, что писатели, как бы отступая от прямого изложения своей основной темы — исторической, публицистической, дидактической, — стремились мысль и настроение своего лирического отступления выразить в наиболее действенной форме, используя самые впечатляющие средства. Мы встретим в гражданственных эпизодах уже с первых веков истории русской литературы приемы торжественного красноречия, точность и умелый выбор деталей в описании, мастерство передачи разнообразных оттенков эмоций — горячую убедительность воззвания, гордость патриота, радость победы, гнев обличения, народную скорбь о бедствиях родины, о гибели ее защитников.

В лирических выступлениях древнерусских писателей, посвященных важнейшим общественно-политическим темам, можно видеть начало той поэтической традиции, которая в литературе классицизма привела к созданию самостоятельного жанра — гражданской лирики. И хотя формально силлабические оды конца XVII в. более сходны с произведениями поэтов-классицистов, однако по своей высокой гражданственности, по глубине мыслей и настроений, по значительности тем лирические эпизоды древнерусской литературы ближе к гражданской лирике XVIII в. Речь идет, разумеется, не о прямом «влиянии» древнерусских произведений на поэтов XVIII в., а о том, что гражданственность лучших произведений XI—XVII вв., нашедшая наиболее яркое воплощение в их лирических эпизодах, получила в исторической обстановке XVIII в. новое идейно-художественное выражение. Изучение древнерусской литературы со стороны этого ее качества создает правильную историческую перспективу для изображения места гражданской лирики XVIII в. в общем литературном процессе.
